

Матрица прошедшей эпохи

I

Люди всегда пишут буквами не просто так, а для чего-то. В поисках новых интерпретаций литературоведы научились видеть текст насквозь и отучились видеть его в упор. Задумывался ли кто-то всерьёз над пресловутым вопросом: почему это образы всякого зла и порока или, по крайней мере, герои, наделённые *полнотой* смуты, тёмных страстей, проповедующие сомнительную любовь *отпетым словом отрицанья*¹, в литературе выходят так сильны и выразительны, а образы добра чаще всего бледны и безжизненны? Ответ на этот сакраментальный вопрос прост: зло автором вычерпано и вымерено из опыта познания собственного греха, что ему *вменено в урок*, для чего ему и открыты возможности. Давно ведь известно, что всё, что вымерено, может быть воплощено. Своё же добро, даже если автор и пытался жить добродетельно, вымерено быть не может: *дедушка*² не велел человеку мерить и познавать *собственное* добро, он не дал инструментария его измерения, и кто пытается перейти эту черту, тот вместо опыта познания добра впадает лишь в оболъщение или, как значительно, но неправильно называет его библия, «прелесть», – а не познанное не может быть воплощённым.

¹ *Выражение из ранней (1979) поэмы Вл. Горького «Конституция дыбом»*

² *Так герой романа называет того, кого библия величает богом*

Дойдя до запятой и точки,
сменив рванину на бельё,
мы жизнь измерили по строчке –
короткой слишком для неё...

Что же значительного и поучительного произошло с нашей литературой за последние, скажем, 20 лет? Главное – это навсегда ушёл оценочный *закон контраста*, которым раньше, как универсальной отмычкой, можно было открыть всё что угодно. Помните: физик или лирик, старый или молодой, реалист или андерграундник, русский или еврей? Думаю, ни одна здравая голова сегодня этим примитивнейшим тестом уже не пользуется. Время показало, что есть, в сущности, только одно противопоставление: главное это или фуфло? А как определить настоящее? Умом, образованностью, сердцем! И это совсем не лишние человеческие качества – ни тысячу лет назад, ни сейчас.

Начало этого романа таится в далёком прошлом веке – где-то в середине 70-х годов, когда автору Вл. Горькому было немногим более двадцати. К тому времени он уже окончательно сформировался как антисоветчик и антиклерикал. И не надо бояться этих *анти*, ведь отрицание мира и есть проявление высшего выбора на нашей странной планете. Будучи профессиональным интеллигентом, автор именно с этого практически нежного возраста окунулся в тот пласт культуры СССР (б)³, который потом назвали интеллигентским фольклором. Дело в том, что советская интеллигенция никогда не занималась устным творчеством: она писала романы, стихи, письма, дневники. Но в условиях всеобщего сыска, когда все общественные институты и процессы либо прекратили своё существование, либо просто приспособились к новым условиям, было невозможно доверить свой жизненный опыт бумаге, и поэтому

интеллекции пришлось исхитриться и найти свой, неподцензурный, трудноконтролируемый и гибкий способ сохранения и передачи информации – фольклор.

³ *Сокращение слова бывший. Автор применяет его на протяжении всего романа, видимо, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к новому времени – прим. гл. редактора*

Среди *своих*, в узком кругу, люди оставались предельно откровенными, хотя и с известным риском для свободы. Может быть, ни в одну эпоху люди так много не говорили и не слушали, так близко не общались, так горячо не обсуждали, так мучительно не осмыслили своё бытие. То, что в *года глухие* в глубине народной жизни складывался и хранился неортодоксальный образ эпохи, было формой сопротивления тоталитаризму. А то, что *слово есть тоже дело*, во все времена отлично понимала всякая власть, а уж советская (б) особенно: сколько людей отправилось на каторгу за рассказанный анекдот! Не случайно в недрах СГУ⁴, где в те самые времена обучался автор этого романа, именно его усилиями и усилиями его друзей был создан и сумел просуществовать целых два с половиной номера (!) рукописный журнал под страшным для власти названием «Вопль»

⁴ *Саксаульский государственный университет – прим. автора*

Не хотели жить мы в иле,
но полезли власти в пасть,
хоть и громче всех *вопили*,
да не слышала нас власть...

Интеллигентский фольклор медленно, но верно формировал атмосферу будущего разоблачения тоталитаризма, и явился одной из предпосылок этого разоблачения. Наши вожди всегда призывали народ к творчеству, правда, творчеству управляемому. Но массы услышали этот призыв и создали свой гениальный эпос века. Неортодоксальное мифотворчество стало одной из немногих сфер, где коллективизм оказался безусловно продуктивным. Поэтому интеллигентский фольклор, зародившийся в 30-е годы, продолжал жить и в так называемую хрущёвскую оттепель, и в годы брежневского застоя, и живёт, как ни странно, сейчас, видимо, подчиняясь закону инерции мысли. Культура бережлива: однажды возникшая как средство преодоления цензуры, культурная форма не исчезла даже с исчезновением цензуры, а стала художественной формой постижения мира. Так было с эзоповым языком, так стало с интеллигентским фольклором. Сейчас же, с возникновением интернета, явление это переросло границы бывшего СССР и стало опасно массовым. Опасным для кого?

Такой фольклор просто не мог не родиться, ибо мы уже по определению жили в мифологизированном обществе. Официальная идеология и пропаганда создали мифы о «великом» Октябре (б), о гражданской войне с её «героями», о партии, о Ленине, Сталине и их сподвижниках, о «врагах» народа, о коллективизации и индустриализации, об армии, которая будет воевать «малой кровью и на чужой территории», о коммунизме к 80-му году, о дорогом Леониде Ильиче и продовольственной программе, о бедности и нужде трудящихся в мире капитала. Сообразно этим мифам были созданы и культурные матрицы, используя которые, писатели, художники, деятели театра и кино, историки и философы могли «свободно» творить. Впрочем, иного способа просто не было: *кто на власть не работает, тот не ест.*

Кто же хочет быть зажат
той зарплатой в сотню?

Государство даст формат,
как нам жить сегодня...

Интеллигентский же фольклор явил неофициальную мифологию эпохи, апокриф как противовес коммунистической библии, антимиф. В культуре возникло *двоemiфие*: официальное и неофициальное. И неофициальное стало подлинной мифологией XX века, художественной летописью современности, ибо было *правдой*. И поэтому именно интеллигентский фольклор сейчас представляет и художественный, и даже исторический интерес, он является источником эстетического наслаждения и знания, и, надеюсь, объектом будущего изучения и филологической, и исторической науки. Двоemiфие продолжалось и в послесталинскую эпоху, так как система не пертерпела серьёзных изменений, просто из невыносимо страшной история превратилась в невыносимо пошлую. Письменная продукция оставалась подцензурной и должна была приукрашать действительность. Может быть, поэтому судьба мифов была более счастливой, чем судьба печатного слова тех лет, так как в них ничего не лакировалось *ни внутренним редактором* автора, ни редактором издательским.

Сегодня и сталинизм, и оттепель, и застой, и перестройка – уже минувшая наша Сука-судьба, как называет её автор этого правдивого повествования. Эта судьба была богата событиями, в ней много и страшного, и смешного, хотя больше страшного. И просто нельзя, чтобы наше прошлое, купленное такой высокой ценой, рассеялось как дым, как утренний туман. В нашей стране всегда шли своей дорогой по никем ещё не проторённому пути, дабы на собственном примере показать всему остальному миру, что делать ни в коем случае не стоит. Главная наша ошибка – движение к мифическому *конечному* пункту, куда мы якобы должны обязательно придти, к тому же коммунизму, например. А ведь главное – это гармоничность самого движения.

Как от власти нас тошнило,
хоть в безмолвном бунте –
не в движении ведь сила,
а в конечном пункте!

Знание прошлого самоценно. Знание прошлого даёт видение будущего, ведь народ сможет сохранять себя и развиваться, только вбирая в себя опыт своей истории и опыт других народов. Наверное, именно поэтому «Русская кочерга» – вдвойне уникальная книга: внутренне основанная на интеллигентском фольклоре и подпитывающая сама себя его лучшими традициями, она бесстрашна, ибо неподцензурна. Читайте её – это не просто скол или срез не так давно прошедшей эпохи, это её матрица. Но не только – зачастую это просто воспоминания, и вовсе не сухие и обязательные к прочтению, как, например, в библии, а обитаемый, живой, реальный мир с темпоральным смещением. Это волшебная колода карт, невиданный пасьянс двоякодышащими тузами, страшенькими дамами, бледными валетами, нищими королями и козырными шестёрками, побивающими этих королей. И всегда выигрывающие шуты с дурацкими колпаками на умных головах.

II

Благословенный опыт русской литературы давно и внятно подсказывает нам в наших высокоумных поисках эстетической истины замечательно простой критерий того, что же такое на самом деле есть Поэт в родном отечестве. И критерий этот, к вящему злоторжествованию литературных кутюрье, лежит вне плоскости аристотелевой «Поэтики» или «Поэтического искусства» Буало, и уж, без сомнения, вне тотали-

тарных модернистских манифестов (своего рода эстетических *майн кампфов*) мари-нетти и малевичей. В нашем отечестве – будь то саксаульском или российском – истинные поэты по сути своей и по внутреннему призванию – тёмные ангелы-хранители нашей души, в чём-то очень грешные, путаные, сбивающиеся с пути, со сбитыми в земной жизни в кровь не совсем белыми крыльями. Но всё же – не люциферы, не соблазнитель, не разрушитель, не растлитель, а именно ангелы-хранители. Другое дело, какие ангелы и хранители чего...

Оглянемся мысленно на светлые имена и горькие судьбы Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока, Ходасевича, Есенина, Рубцова. Нисколько не сомневаюсь, что столь же трагичной была и затерявшаяся в седых преданиях судьба Первого Русского Поэта, автора «Слова о полку Игореве» В ином случае, пишущие – либо не поэты, либо нерусские поэты. И нет тут никакой гордыни или, избави *дедушка*, чванливого чувства особой избранности – просто такова историческая и художественная реальность национальной культуры нашей. И только на нашей почве (лучшей или худшей, не в том суть!) могла произрасти столь необычная двуединая мера художественной красоты и правды, с трудом определяемая этикой формы и этикой содержания, хотя по абсолютно точному замечанию автора, одно без другого существовать не может, ибо в одном случае вы получите унылое морализование на фоне общих истин, в другом – неконтролируемый совестью безудержный эксперимент.

Ты, читатель, помни это,
на любой из наших зон:
только русские поэты
знают жизнь *со всех сторон*...

Из отметин времени рождаются книги. Великие же книги рождаются на сломе эпох, и, как поводыри, ведут людей куда-то в будущее. Вот только прекрасное ли? И не сами ли мы выбираем эти дороги? Роман Вл. Горького «Русская кочерга» – это книга об ушедшем времени, ушедшей стране, унесшей с собой целую эпоху, и о людях, оставшихся уже за чертой выбора времени, которого нет. Эта книга о том, как труден и мучителен путь мыслящих талантливых людей, погружённых в стремнину своего времени, желающих жить *не по закону, а по совести*, преодолевающих пороги искушений в водовороте мировых событий. «Русская кочерга» – это ещё одна попытка проанатомировать этот уродливый, с опрокинутыми понятиями мир, та Страна Советов, который автор называет страной Антиподией, этот во все века и на всех планетах презираемый образ существования, называемый советским строем – с его фарисейством и ханжеством, презрением к обычному человеку, выдаваемым за фальшивую заботу о нём, и уяснить, как же это всё могло случиться на фоне исторического величия России и всего того, что окружало её на протяжении последних ста лет. Эта книга – не Парфенон, а Вавилонская башня, подземелья Ватикана, глыбы Баальбека, непроходимые чащобы Амазонки и кошмары Босха!

Плоть предоставленной в этой книге читателю прозы такова, что, не нарушая общей спокойной тональности в изображении сегодняшнего мирного дня, она вместе с тем доказывает, что и сейчас драма решения не отменяется, поиск самореализации насущен, активное действие необходимо. Отсюда, наверное, и возникает то важное, что способно давать искусство, – нравственная матрица, которую читатель, закрывший последнюю страницу, сможет впоследствии приложить к ситуациям иного масштаба и иного толка. «Русская кочерга» – последняя, может быть, паутинная ниточка, соединяющая полоумное настоящее с тёмным прошлым. Как же вписал автор прошлое в сегодняшний день? «Нет ничего легче», воскликнет неискушённый читатель, «будто до него так никто не делал!» И будет неправ.

Вся жизнь моя прошла в безумной гонке:
ещё бы знал, чего хотел поймать, –
почти роман, почти писатель Горький
с глаголом, подходящим к слову «Мать»!

Вл. Горький, как и его тёзка Вл. Ульянов, пошёл другим, своим путём: внутри себя он изобрёл маленькую машину времени, подбрасывая в её топку уголёк исторических событий, коими всегда была переполнена наша несчастная родина, и поддавал жару своими личными воспоминаниями о прошедшей советской (б) поре. Эту машину времени он назвал Хронотопом, и на протяжении всего романа у читателя будет прекрасная возможность изучить принципы её действия. Иногда это путешествие будет затяжным – главы на три или даже четыре, а иногда совсем коротким, как, например, главка «Тайна Сталина» – вот она вся: «Главная тайна Сталина открылась Володе не сразу. После долгого изучения дел этого монстра он, наконец, понял: Сталин смертельно ненавидел советскую власть» И такая главка по своей эмоционально-исторической насыщенности, по-моему, стóит целого исследования о Пахане всяя Руси. Вот только в первом томе романа такой Хронотоп всего один, и вы уже скоро его увидите и прочтёте. Почему? Я разговаривал с автором на эту тему, и он признался, что хотел бы немного *приручить* читателя к своему стилю изложения, и так не очень лёгкому и понятному, заметно отличающемуся от изложения других современных авторов, *прикормить* его к своей книге, как рыбак на зорьке прикармливает несговорчивую рыбёшку. Вот поэтому в первом томе Хронотоп один, но всего во всех томах «Русской кочерги» (предполагается, что их всего будет семь) таких временных реминесценций будет предостаточно. И будут они интересны, уж вы мне поверьте!

А зачем они вообще нужны – эти исторические вставки, эти литературные Хронотопы? Да затем, что в «Русской кочерге» Вл. Горький выступает не только как писатель, но и как историк. А историк – должность высокая, она обязывает, потому что главное в его работе – это то, что он не должен быть суетлив, ведь суетливый историк – это уже политик. А кто такие политики? Паразиты, которые паразитируют на всём: на беспамятстве народа, на его бедах, на его надеждах на лучшее будущее. Видно, что автор, окунаясь в свои Хронотопы, ощущает себя *независимым* историком, погружаясь в архивы *своей* генетической памяти, откуда и выплывают его картинки – из мрачноватых глубин прошлого в беспечную современность с безоблачным саксальским небом и пламенеющими под позднелетним солнцем карагачами. Читателю может показаться, что вот эти хронотопные вставки в роман весьма искусственны, но нет – они необходимы для того, чтобы связать личность автора со временем, в котором ему пришлось жить. А то, что вначале в книге может идти хронотоп о Горбачёве, а потом об Иване Грозном, тоже не удивительно: в нашей стране до сих пор нет устойчивого времени, и будущее зачастую определяет не прошлое, а позапрошое, или завтрашнее, или даже не определяет вовсе ничто.

Это вам не чертовщина
для брожения по снам:
Хронотоп – моя машина
для скачков по временам...

Как и всякое честное произведение, «Русская кочерга» – абсолютно аморальная книга, ведь автор показывает людей такими, какими они были, какие они есть сейчас и какими они будут всегда. Да и где в мире есть настоящая мораль – за последние 2000 лет существования любимой *дедушкиной* игрушки – нашего нелепого шарика? Любой творческий акт, как известно, инициируется каким-нибудь эмоци-

ональным всплеском, имеющим свою первопричину. Например, хорошие детские книги пишутся под аурой доброты и ностальгии по безвозвратно ушедшему детству, большинство же научных трудов написаны в порыве страстного желания самоутвердиться или хотя бы приблизиться к решению какой-нибудь загадки. «Русская кочерга» была инициирована горечью за непоправимую Суку-судьбу своего народа, горечью за невозможность изменить ничего в этой страшной судьбе и невозможностью сделать ничего для того, чтобы завтра она не была такой же страшной, как вчера. То, что другие называют *русским крестом*, автор назвал *кочергой* – страшной изогнутой железной палкой, которой Сука-судьба отдубасила до смерти миллионы и миллионы неплохого русского (и сборного советского) народа, трагичного в своей нелепости и несчастливости.

Не поймём умом куриным:
боль – отнюдь не шутовство!
Кочерга прошла по спинам
поколенья моего...

Поэтому в этой книге не стоит искать рецептов – их не существует. Каждый является себе рецептом и ежечасно пожинает самого себя. Рабство и свобода, истина и ложь есть состояния души. «Книги – только одно из вместилищ, где мы храним то, что боимся забыть», говорил в романе «451° по Фаренгейту» великий пророк Рэй Брэдбери. «В них нет никакой тайны, никакого волшебства. Волшебство лишь в том, что они *говорят*, в том, что они сшивают лоскутки Вселенной в единое целое...» Мне кажется, что в «Русской кочерге» Вл. Горького есть это волшебство исторического *говорения*.

III

«Русскую кочергу» по жанру можно отнести, скорее всего, к *мениппее*. Не знаете такого слова? Тогда проще: роман этот представляет собой как бы толстую русскую косу, которая сплетена из трёх основных косичек-тем. Это и называется мениппея. Был когда-то такой античный жанр – мениппова сатира, и термин этот обозначал универсальный тип жанрового содержания, относящегося к области, как говорили древние греки, «серьёзно-смеховой». Вот как расшифровывает мениппею Литературный энциклопедический словарь московского издания 1987 года: «Содержательная основа её (мениппеи – В. К.) амбивалентной структуры – поиски философских, нравственных, социальных истин при *фамильярном* контакте с живой современностью. Смех и авантюрный сюжет – средства испытания и провоцирования высоких идей и остропроблемных ситуаций. Отсюда – смещение и смешение пространственных, временных и психологических планов с гротеском и фантастикой, стилистическая разноплановость. Термин введён М. Бахтиным»

И это действительно так. Придумал этот термин Михаил Михайлович Бахтин – русский философ, культуролог и исследователь языков, за что ему огромное merci от автора этой книги. Именно он является создателем новой теории европейского романа о концепции полифонизма (или многоголосия) в литературном произведении. Именно он, кроме термина мениппея, ввёл в литературоведение и другие, не менее забавные – например, карнавализация и даже телесный верх и телесный низ!

Так что же такое мениппея? Проще говоря, это такой вид серьёзно-смехового жанра, для которого характерны сценки скандалов, эксцентрического поведения, неуместных речей и выступлений, то есть всяческие нарушения общепринятого и обычного хода событий, вкрапляющие в себя и уже упоминаемые автором Хронотопы, ко-

торые греческий язык переводит очень точно как закономерную связь пространственно-временных координат. Говоря проще, мениппея – это каша. И как всякая каша, она очень проста по рецептуре: крупа, вода, соль. Вот только крупой у автора выступают его размышления о жизни, за воду он почитает свои исторические реминисценции, а за соль – тот неперенный юмор, который и делает эту книгу бесценной для потомков.

Тебе, читатель, мениппея –
чтоб ты не стал ещё глупее!

С мениппеей разобрались. Но при чём здесь библия, смело заявленная автором в подзаголовке романа? Но и здесь, как это ни покажется странным, всё предельно ясно. Ведь что такое библия, скажем так, классическая? По сути – это очень длинный рассказ о жизни древних евреев, об их страданиях и несчастьях, и о том, как они всегда с честью выходили из трудных положений. Плюс к этому – ещё свод неких правил, как надо правильно себя вести людям при жизни, чтобы после смерти попасть в так называемое *царствие дедушкино*. «Русская кочерга» – рассказ о вполне земных людях с их страстями и фобиями, переживаниями и мучениями, принимаемыми также от вполне земных персонажей. Ещё раз подчёркиваю – земных, и это значит, что книга – о нас с вами. И это произведение, весёлое и порой грустное, читать гораздо интереснее, чем библейский триллер-страшилка о бесконечных *дедушкиных* расправах над теми, кто, как ему казалось, в чём-то провинились перед старичком, а в конце так и над своим сыном тоже, иначе как можно назвать то, что он сделал с Христом, как не предательство – ведь мог спасти, а не спас. И насчёт правил поведения у автора тоже вполне убедительная позиция: совершенно не обязательно читать именно в библии о том, что воровать или убивать нельзя, – достаточно об этом узнать от своей мамы в нежном младенческом возрасте. И ещё одно: «Русская кочерга» – это единственная книга в мире, которую можно так же, как и Библию, читать с любого места.

Что же такое предлагаемое читателю произведение? Прежде всего, это субъективный анализ субъективного мира, являющегося отражением мира объективного, что, кстати, вполне соответствует специфике искусства вообще. Процесс познания истины, чем занят в своём произведении Вл. Горький, является одновременно процессом самораскрытия этого яркого художника, его внутренней культуры. За всё время существования кривоватого шарика, известного в нашей галактике как Земля, десятки тысяч романистов написали миллионы своих романов, которые и отличаются от повестей лишь тем, что чуть побольше в объёмах, и чуть больше в них заложено мыслей, о которых наивные читатели якобы должны думать и переживать, примеряя на свои нелёгкие судьбы. Поэтому Вл. Горькому, как автору оригинальному, изначально было скучно создавать ещё один роман – из числа бесконечных и похожих друг на друга, ибо со времён Шекспира написано буквально обо всём, и сказать что-то новое просто невозможно.

Вторым же отличием этого произведения является то, что роман просто-таки насыщен поэтическими строками – стихами, стихками и стихатами, и всё для того, чтобы вам, любезные читатели, было интересно перелистывать эти страницы.

«Снова будут перемены,
будут новые шаги,
и начну писать катрены
я для «Русской кочерги!»),

говорит об этом сам автор. И я ему верю, потому что уже прочёл весь роман и могу подтвердить: да, только в первом томе более 1000 (!) стихов, а если быть точнее, то

1118. И ещё потому в этом правдивом повествовании так много стихов, что, согласно законам механической физики (или физической механики?), такое глобальное создание, как многотомное сочинение, легче катить по жизни, используя для этого рельсы рифмованных строк. Вспомните, как на десятке страниц Лев Николаевич описывал, как Анна Каренина бежит к поезду. Это было не просто утомительно, но и мучительно, хотя, не спорю, в чём-то талантливо. Так вот, в этом произведении таких кирпичных отрывков не будет вовсе. Вспомните, как в детстве мы читали взрослые книги – и было нам в них всё просто и понятно, а спустя многие годы мы вдруг обнаруживали в книге, известной нам почти наизусть, море ума и бездну новой мудрости. Вот тогда-то поистине и открывалось для себя новое произведение. Надеюсь, что «Русская кочерга» – именно такое произведение для многих поколений – сегодняшнего дня и ещё не рождённых.

Думаю, что эта книга будет особенно близка старшему поколению, поскольку погружает его в мир знакомый и близкий. Да и молодёжи она необходима, так как даёт другой взгляд на эпоху, уже скрытую от них стеной лжи. И всем вместе, потому что это роман интересный, необычный и неповторяемый никем и никогда.

Вот сию, счастливый вдвое,
что не веники вяжу!
Как мне пишется такое?
Вам я это не скажу!

Читая «Русскую кочергу», поражаешься какому-то нечеловеческому (марсианскому?) ледяному блеску мысли, заоблачными вершинами возвышающейся над обыденностью, поражаешься гордой честности мышления – вроде той, что привела Джордано Бруно на костёр, а Галилея в застенок. В чём гениальность этого произведения? Да в том, что читая его, начинаешь понимать, что в борьбе Добра со Злом побеждает вовсе не Добро, как трактует это церковь, и не Зло, как обычно бывает в мире, и даже не Случай – наш единственный реальный бог, а Бессмыслица. К несомненным достоинствам этой великой книги следует также отнести и тот факт, что её можно читать, начав с любого места и не подряд (включая, разумеется, возможность не читать её совсем). Впрочем, об этом я уже упоминал. Но если вы всё-таки станете её листать (довольно частая ошибка у любителей воспоминаний), то наверняка наткнётесь на места, где с автором категорически не согласитесь, и закипят у вас разнообразнейшие возражения. Так вот, имейте в виду, что автор заранее согласен с каждым вашим аргументом – он мне об этом сам говорил. Прочтёте всю книгу – поймёте почему...

И пару слов о названии романа. Оно тоже родилось не случайно, а в процессе долгого, почти тринадцатилетнего создания этого произведения. И смысл его отнюдь не в калькированном переводе с английского (russian poker – русская кочерга), а именно в том, что игра, описанная здесь, именно кочергой прошла по умам и душам наших героев – как, в своё время, нехитрой частью деревенской телеги прошлось по умам и душам героев «Красное колесо» Александра Солженицына.

Долго будем маяться,
только лги не лги,
всё ж придётся каяться
и платить долги...

IV

«Русская кочерга» оказалась весьма тяжёлым литературным ребёнком – она пёрла из автора, разрывая утробу, и страшная гримаса родовых усилий месяцами не

сходила с его утомлённого лица (я тому свидетель). Тот, кто дочитает хотя бы первый том до конца, увидит на последней его странице даты написания: 2003-2016. Почему же эта литературная кочерга так задержалась в своем полёте к читателю? Всё ли дело только в одной авторской лени? Конечно, нет. Вл. Горький вообще принимался за писательство, как, впрочем, за любую другую работу, с ученическим рвением – потому что знал, что весьма скоро это рвение иссякнет. Нет, он не был ленив, он просто был глубоко и безнадежно бездеятелен. Но его оправдывало то, что это безделье было единственным естественным состоянием для его психики и, к сожалению для окружающих, любимым состоянием.

В чём-то это произведение напоминает мне так любимый сюрреалистами *dripping*, то есть произвольное набрасывание краски на холст. Думаю, что над страницами «Русской кочерги» с одинаково страстной увлечённостью склонятся как любители русской словесности и искатели сильных ощущений, так и врачи-психиатры. Ведь на этих страницах на фоне эпохи запечатлены истории, о которых однажды сказал друг автора Сальвадор Дали: «Единственное различие между безумцем и мной в том, что безумец не так безумен, как я...»

Вновь от жизни убегая,
но о прошлом не грустя,
так Дали я понимаю –
он безумен, как и я...

Я хорошо знаком с автором, и в вечерних беседах со мной Вл. Горький частенько мечтал о том, как его лирические строки будут сменяться горькой иронией, философские размышления будут сочетаться с бытоописанием, а внешняя занимательность будет прикрывать глубину второго плана. Тогда же я узнал от него, что в написании автор придерживался принципа, который он придумал сам ещё в начале сознательной жизни: «Лучше хвалить себя, чем ругать других!» И сейчас, по прочтении этого великого произведения, я хорошо понимаю, что именно этот принцип и является краеугольным камнем буквально для каждого живущего на Земле. В этих же беседах я узнал от него, для чего вообще была написана эта книга. Догадываетесь? «Через много-много лет», сказал мне тогда Вл. Горький, «когда я уже окончательно впаду в старческий маразм и перестану соображать, сколько будет пятью шесть, то буду всем показывать эту книгу и говорить: «А посмотрите, какой я всё-таки умный. Был...» И добавлял: «И, если вы, наконец, поймёте суть этой книги, то непременно воскликнете: «Ах ты, хитрый старикашка! Ты опять обманул нас!»»

В этом сочинении автор пытается доказать, что всё на свете – людские судьбы, счастье, урожай, внешность человека, войны и даже извержения вулканов зависят от нашего ума. Он не стесняется думать на ближнего, что он дурак, иногда он не стесняется этого и говорить, потому что убеждён в благоприобретённости ума или глупости, и убеждён, что можно стать умным так же, как и овладеть профессией, – надо лишь упражняться думать много и о многом, думать постоянно и о разном.

Что наша жизнь? Игра, ответит любой, кто слышал знаменитую арию, а кто её не слышал, всё равно ответит то же самое. И они будут правы. Вот только до какой степени наша жизнь – игра, вряд ли отвечающие могут себе представить. Думается, что в «Русской кочерге» идеально сбалансирована роль случайности и индивидуального мастерства игрока, то есть смоделирована сама жизнь с её извечным вопросом *свободы воли*.

И не жалея сил,
не ради пошлой славы,

всё, чем когда-то жил,
вложил я в эти главы...

V

Сначала «Русская кочерга» задумывалась автором как небольшая (страниц в 100-150) повестушка о четырёх бездельниках, прожигающих жизнь за покерным столиком в компании с любимыми напитками. Но, как говорится в популярном анекдоте, «сначала рыбачил, а потом всё-таки втянулся». Через четыре года писательства повестушка сначала плавно перешла в крепкий роман, потом как минимум в трёхтомник, а теперь всё это называется в воспалённом мозгу автора как-то усреднённо – между эпопеей и никогда не законченными дневниками. Можно, конечно, утешить себя тем, что Лопе де Вега, например, за свою 73-летнюю жизнь, кроме новелл, романов, исторических сочинений, эклога, стихов, сонетов, од, элегий, написал ещё и 2500 пьес. Писатель К. Оригенес (отец, так как был ещё и не такой писучий сын) создал около 6 тысяч произведений. А повесть «Мечты среди цветущих гранатов» китайской писательницы Ли Куйе-ю (внимание!) содержит 360 томов! Приходилось искренне завидовать восточному мудрецу Абу-Али ибн-Сине, более известному нам под именем Авиценны, который, живя в старое неторопливое время, написание своей «Метафизики» потратил всего четыре дня.

Для распевки малых ноток,
и для школьников пример,
Авиценна был корóток,
как Ампер в один ампер!

И последнее. «Русская кочерга» – единственная книга в мире, которая отвечает на вопрос вопросов «В чём смысл жизни?» Но если я, автор предисловия, тут же объявлю вам этот ответ, то меня постигнет большое разочарование, ведь тогда книга просто не будет прочитана до конца. Так что, дорогой читатель, ищи сам – и обрящешь. Одним из первых читателей романа стал большой друг автора, великий философ и мудрец Бхагван Шри Раджниш, более известный землянам как Ошо. И потому предисловие к этому произведению я хочу закончить именно его словами:

Нет ничего более полезного, чем хороший смех.
Нет ничего более разумного, чем хороший смех.
В «Русской кочерге» смех жизнен...

Владимир Кулемзин,
писатель